

Юлия Самойлова. Муза Карла Брюллова

Автор:

Ольга Буткова

Юлия Самойлова. Муза Карла Брюллова

Ольга Владимировна Буткова

AmorFati

Русская графиня и хозяйка миланского салона Юлия Павловна Самойлова прославилась в России и за ее пределами своей красотой, роскошными приемами, меценатством и экстравагантными поступками. Ее боготворили и презирали, ею восхищались, на нее гневались, о ней сплетничали. Впрочем, мнение света было абсолютно безразлично графине. Она не была образцом добродетели, не писала ни книг, ни музыки, ни картин, судьба ее сложилась сумбурно и нескладно. И лишь немногие знали ее безрассудную, щедрую, любящую душу, знали, что она пыталась помочь каждому, кто встречался на ее пути, и не совершила ни одного злого или своекорыстного поступка. Такова была жизнь графини Самойловой, которая была идеалом Карла Брюллова и главной героиней его знаменитых полотен.

Ольга Буткова

Юлия Самойлова. Муза Карла Брюллова

© Буткова О. В., текст, 2015

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Вступление

Легко заметить, что на полотнах Карла Брюллова многие черноокие красавицы похожи друг на друга. У художника было свое представление об идеальной красоте – южной, солнечной, победительной, которую никто не описал лучше, чем Гоголь:

«Это было чудо в высшей степени. Все должно было померкнуть пред этим блеском. Глядя на нее, становилось ясно, почему итальянские поэты и сравнивают красавиц с солнцем. Это именно было солнце, полная красота. Все, что рассыпалось и блистает поодиночке в красавицах мира, все это собралось сюда вместе. Взглянувши на грудь и бюст ее, уже становилось очевидно, чего недостает в груди и бюстах прочих красавиц. Пред ее густыми блистающими волосами показались бы жидкими и мутными все другие волосы. Ее руки были для того, чтобы всякого обратить в художника, – как художник, глядел бы он на них вечно, не смея дохнуть. <...> Это была красота полная, созданная для того, чтобы всех равно ослепить! Тут не нужно было иметь какой-нибудь особенный вкус: тут все вкусы должны были сойтись, все должны были повергнуться ниц: и верующий и неверующий упали бы пред ней, как пред внезапным появлением божества».

Брюллову посчастливилось встретить свой идеал в жизни. Героиней лучших его полотен была русская графиня, родственница государя, хозяйка миланского салона Юлия Павловна Самойлова. Она прославилась в России и за ее пределами своей красотой, роскошными приемами, меценатством и экстравагантными поступками. Ее боготворили и презирали, ею восхищались, на нее гневались, о ней сплетничали. Впрочем, мнение света было абсолютно безразлично графине.

Она не была образцом добродетели, не писала ни книг, ни музыки, ни картин, судьба ее сложилась сумбурно и нескладно. И лишь немногие знали ее безрассудную, щедрую, любящую душу, знали, что она пыталась помочь каждому, кто встречался на ее пути, и не совершила ни одного злого или своекорыстного поступка. Такова была жизнь графини Самойловой.

Глава 1. Родословная

Братья императрицы

Среди предков Юлии Павловны были полководцы, дипломаты, меломаны, кровосмесители, авантюристы и цареубийцы. Каждая веточка родословного древа графини Самойловой рассказывает об истории XVIII в. и всех его крутых виражей.

Наша героиня никогда бы не появилась на свет, если бы первый император всероссийский Петр не сослал в монастырь свою законную супругу, Евдокию Лопухину, наследницу рода древнего и почтенного, мать царевича Алексея, и не женился на служанке князя Меншикова Марте Скавронской, что происходила то ли из латышских, то ли из эстонских крестьян.

Марта, она же императрица Екатерина Первая, не возгордилась и родню свою – братьев Карла и Фридриха Скавронских, сестер Анну и Христину – не забыла, а вывезла из деревень в Санкт-Петербург и, с разрешения августейшего супруга, осыпала милостями – наделила богатством, братьям даровала графский титул, мужьям сестер – потомственное дворянство.

Ж.-М. Натье. Портрет Екатерины I

Один из братьев императрицы, Фридрих Самуилович, до перемены своей участи служивший ямщиком, с потрясением не справился, спился и умер. Второй же, Карл Самуилович, оказался более крепок духом, с новым положением в обществе освоился, обзавелся потомством – шестью детьми, и счастливый поворот колеса Фортуны пошел ему только на пользу.

Неаполитанский чудак

Четверо из шести детей Карла Скавронского умерли бездетными, единственным внуком по мужской линии был Павел Мартынович, родившийся в 1757 г. Он унаследовал все богатство семьи, получил очень почетную придворную должность камергера. Его мать, Мария Николаевна, урожденная Строганова, предпочитала жить за границей, а именно в Италии. Вот с этой поры какая-то непостижимая прихоть судьбы прочно связала род Скавронских с этой благословенной страной. Да как связала! Прибалтийские корни Павла Мартыновича не помешали ему воздать должное южному климату. Кроме того, молодой граф до безумия увлекся итальянской музыкой и тем самым заслужил почетное место на страницах книги известного любителя русской старины Михаила Пыляева «Замечательные чудаки и оригиналы».

Чудаков в российском высшем свете, особенно же в XVIII столетии, было предостаточно: ведь чудачество было и остается одним из способов заявить миру о своей неповторимой индивидуальности.

Образование рождает причуды

В обыкновенной жизни чудака есть человек, отличающийся не характером, не нравом, не понятиями, а странностью своих личных привычек, образа жизни, прихотями, наружным видом и проч. Он одевается, он ест и пьет, он ходит не так, как другие; он не характер, а исключение. Замечательно, что в простом сословии, близком к природе, редко встречаются чудаки. Там все растут, воспитываются, чувствуют, мыслят и действуют, как внушила им природа или пример других; но с образованием начинаются причуды, и чем оно выше у народа, тем чаще и разнообразнее являются чудаки.

В старину, даже не более пятидесяти лет тому назад, было гораздо более людей странных, с резкими особенностями, оригиналов и чудаков всякого рода, чем теперь. Такое явление понятно: причудливость есть следствие произвольности в жизни, и чем более произвольность господствует в нестройном ещё обществе, тем более она порождает личных аномалий.

М. Пыляев. Замечательные чудаки и оригиналы

Чудачество стало стилем жизни многих великолепных вельмож. Как мы видим, его позволяли себе не только представители почтенных и древних семейств, но и такие безродные выскочки, как Скавронские. В случае с графом Павлом Мартыновичем оно проявлялось в том, что он пытался самолично сочинять музыку, а слуги в его доме должны были разговаривать не иначе как речитативом. При соблюдении этого условия жизнь графа, по описанию Пыляева, превращалась в непрерывный музыкальный спектакль.

Гости, чтобы сделать приятное хозяину, не отставали от прислуги – и в такой обстановке Павел Мартынович был совершенно счастлив.

Как уверяет Пыляев, граф не только сочинял оперы, но и ставил их в итальянских театрах, хотя его произведения были не очень талантливы. Разумеется, ему приходилось оплачивать расходы на постановку и, кроме того, нанимать клакеров, изображавших неистовый восторг перед его музыкальным гением. Если же прочая публика и критика все-таки выражали неудовольствие, графа это совершенно не смущало: ведь у всякого таланта есть недоброжелатели и завистники. Друзья же, а заодно и прихлебатели, наперебой пели графу дифирамбы.

Музыка и жизнь

Выездной лакей-итальянец, приготовившись по нотам, приготовленным его господином, приятным баритоном докладывал графу, что карета подана. Причем на последних нотах держал большую фермату.

Метрдотель из французов фальцетным тенорком извещал графа, что стол накрыт. В его репертуар входило несколько музыкальных номеров. В дни торжественные мелодия его извещения построена была на высоких нотах, в будни тон значительно понижался. При гостях ария метрдотеля удлинялась несколькими лишними тактами.

Кучер, вывезенный из России, был также обучен музыке. Он басом осведомлялся у барина, куда он прикажет ехать. Своей густой октавой он нередко пугал прохожих, когда на певучие вопросы графа начинал с козел давать певучие ответы.

При парадных обедах, вечерах и музыкальных собраниях вся прислуга Скавронского образовывала хоры, квартеты, квинтеты и проч.

М. Пыляев. Замечательные чудаки и оригиналы

Скавронскому покровительствовал сам светлейший князь Потемкин, фаворит и ближайший советник императрицы Екатерины Второй. Милости князя в немалой степени объяснялись тем, что он выдал за Павла Мартыновича свою племянницу, Екатерину Васильевну Энгельгардт. Вскоре граф был назначен посланником в Неаполе – прекрасная должность для влюбленного в Италию. Его дипломатическая деятельность вызывала немало нареканий, однако недруги были Павлу Мартыновичу не страшны. Приоткрываем занавесу над дальнейшим повествованием: Павел Мартынович Скавронский и Екатерина Васильевна Энгельгардт станут бабушкой и дедушкой нашей героини, Юлии Павловны Самойловой.

Милость Светлейшего

Юная красавица Екатерина Энгельгардт была личностью весьма известной в петербургском свете, хотя известность ее была особого свойства. Племянницы Потемкина вообще были очаровательны, но ни для кого не являлось секретом, что они связаны со своим сиятельным дядюшкой не только узами родственной любви, но и отношениями иного рода, очень нежными и вовсе не платоническими.

Григорий Потемкин был человеком выдающихся талантов, одним из которых было умение обольщать женщин. Читая любовные письма императрицы, невольно улыбаешься нежным словам, которые она изобретала для своего возлюбленного – от «Гришифишеньки» до «золотого фазана». Любовь государыни – высокая честь, однако князю этого было недостаточно. Архив Потемкина полон писем от влюбленных, соблазненных и покинутых дам и девиц. Судя по всему, светлейшему и этого было мало, и в качестве приятного разнообразия он завел небольшой домашний гарем, состоявший из юных племянниц.

Г. А. Потемкин

Мысль о подобном кровосмешении сегодня повергает нас в ужас, однако в XVIII в. романы между дядями и племянницами бывали не такой уж редкостью. О шалостях Потемкина с его родственницами знали и императрица, и весь двор, и никто не судил князя слишком строго, а его любимиц с удовольствием принимали в свете и старались обласкать, дабы угодить Светлейшему.

Как справедливо замечает английский историк С. Монтефьоре, автор превосходной биографии Потемкина, не стоит представлять молодых сестер Энгельгардт несчастными жертвами домашнего насилия. Они, судя по всему, нисколько не были обременены моральными терзаниями, дядюшку совершенно искренне обожали, особенно же любили дядюшкины подарки и прочие блага жизни, с его благорасположением связанные. В его отсутствие сестры скучали и писали Светлейшему трогательные письма.

Екатерина была в своем роде исключением среди своих сестер. Она дольше других оставалась любимицей Потемкина. Судя по сохранившимся портретам, девушка была божественно хороша. Никакими другими талантами, впрочем, она не блистала, была необразованной, ленивой, характером обладала самым флегматичным – до такой степени, что даже к своим богатствам и нарядам относилась довольно равнодушно. Больше всего она любила лежать не одетой, без корсета, завернувшись в огромную дорогую черную шубу. Должно быть, являла взорам восхитительное зрелище – в этом можно убедиться, рассматривая дошедшие до наших дней портреты красавицы.

Потемкин довольно скоропалительно выдал Екатерину замуж за Павла Мартыновича – злые языки говорили, что он боялся, как бы не обнаружилась ее беременность. Как бы там ни было, юная особа, должно быть, не была в восторге от своего мужа. Когда Скавронского отправили в Неаполь, супруга решительно отказалась последовать за ним. Ей не хотелось покидать Петербург. Прошло пять лет, прежде чем она согласилась присоединиться к мужу – согласилась на свое счастье, потому что в Неаполе ее ждал не только муж со своими чудачествами, но и новая встреча, которой будет суждено изменить ее судьбу – а заодно и ход нашего повествования.

Любовь рыцаря

Павел Мартынович Скавронский умер в возрасте 37 лет, оставив двух дочерей, Марию и Екатерину, и молодую вдову. Его семья вернулась в Россию. А через несколько лет в Петербург из Италии приехал обладатель громового голоса и благородной осанки, кавалер Мальтийского ордена, граф Джулио Литта. Он был из прославленного рода; достаточно сказать, что среди его предков – легендарные Висконти, правители Милана. В свое время Леонардо да Винчи служил миланскому герцогу Лодовико Моро, матерью которого была Бьянка Мария Висконти. С тех самых пор хранилась в роду Литта знаменитая мадонна кисти Леонардо.

Граф владел несколькими имениями в Италии и Франции, а также великолепной коллекцией произведений искусства. Чего же искал блестящий рыцарь в далекой северной стране?

В XVIII в. семейству Литта, давно утратившему свое политическое влияние, пришлось служить династии Габсбургов, под властью которой находилась часть Италии. Отец Джулио, граф Помпей Литта, стал генеральным комиссаром австрийских войск в Ломбардии – северной области, столицей которой был Милан.

И. Лампи. Граф Ю. П. Литта

Джулио, младший сын в семье, учился в иезуитском колледже Святого Климента, а затем, 17 лет от роду, связал свою судьбу с некогда знаменитым и могущественным, а в ту пору уже захудалым Мальтийским орденом. Юноша дал обет безбрачия и, как истинный рыцарь, воевал против турок у берегов Леванта и Пелопоннеса. Вскоре он стал командором на одной из четырех галер ордена.

В 1787 г. Екатерина II обратилась к Великому магистру ордена герцогу де Рогану с просьбой прислать ей офицера, хорошо разбирающегося в морском деле. Он рекомендовал молодого графа Литту. Джулио с радостью отправился в Россию и вскоре стал самым молодым генералом в истории Российской империи – ему было всего двадцать пять лет. Служил он на Балтийском флоте под началом принца Нассау-Зигена, одержал победу в битве при Роченсальме, однако второе сражение проиграл, чем изрядно испортил свою репутацию. Ему пришлось вернуться в Италию и жить в Риме у своего брата Лоренцо, папского нунция.

Французская революция 1789 г. нанесла Мальтийскому ордену сильный удар. Постановлением Конвента орден был лишен всех своих владений во Франции, а мальтийские рыцари были изгнаны из страны. В 1794 г. Юлий Помпеевич снова приехал в Санкт-Петербург, на сей раз как посланник Мальтийского ордена. Задача, стоявшая перед ним, заключалась в том, чтобы разрешить тянувшийся еще с XVII в. спор о так называемом острожском наследстве – одном из приорств, оставленном ордену польским князем Острожским. Императрица Екатерина мальтийцам в исполнении просьбы не отказывала, но и не торопилась наследство возвращать. Однако с ее смертью ситуация изменилась...

Наследник российского престола, Павел Петрович, с юных лет очень любил книги о рыцарях и рыцарстве, одевал придворных в рыцарские доспехи и устраивал турниры. Особый интерес он питал к Мальтийскому ордену, пережившему Средневековье и сохранившемуся под патронатом католической церкви. Когда Павел вззошел на трон, он начал налаживать связи с представителями Мальтийского ордена. Мальтийцы, похоже, довольно быстро поняли, что императорский интерес может принести им нешуточную пользу.

Ноябрьским утром 1796 г. в ворота Гатчинского дворца въехали кареты с гербами Мальтийского ордена на дверцах. Ко двору прибыли странствующие рыцари! Романтическая душа Павла возликовала. Мальтийцы были удостоены торжественной аудиенции императора в присутствии столичного митрополита и других духовных лиц. Литта произнес трогательную речь, обратившись к императору с просьбой взять Мальтийский орден под свое покровительство, причем речь была выдержана в духе рыцарского романа: «Странствуя по Аравийской пустыне и увидя замок, мы узнали, кто тут живет...»

Литта торжественно подарил Павлу мантию, меч с золотой рукоятью, золотую корону Великого магистра и мальтийский крест, который носил знаменитый Ла Валетт, правитель Мальты, защитивший остров от турок в XVI в. Император был

в восторге.

Просьба мальтийцев была немедленно удовлетворена. Император вернул ордену доходы с Острожского приорства, причем увеличил их в два с половиной раза, а еще учредил Российское великое приорство из десяти командорств, которые «исключительно могли быть даруемы русским подданным». По приказу императора архитектор Н. А. Львов выстроил в Гатчине очаровательный замок для мальтийцев – Приорат.

Не исключено, что Литту привлекли в Россию не только проблемы Мальтийского ордена, но и личные интересы. Несколькоми годам ранее, в Неаполе, он познакомился с прекрасной Екатериной Скавронской. В ту пору она была замужней дамой. Теперь она овдовела, и Джулио Литта мог завоевать ее любовь. Если бы не обет безбрачия!

Злоключения мальтийцев продолжались. В 1798 г., во время Египетского похода Наполеона Бонапарта, французские войска высадились на Мальте, и остров перешел под их власть. Однако Павел отказывался признать очевидное. Он провозгласил остров «губерниєю Российской империи».

Наконец-то любовь императора к рыцарству получила деятельное воплощение. События развивались стремительно. Павел стал Великим магистром ордена, интронизацию совершил папский нунций в Петербурге Лоренцо Литта, брат Джулио. Павел заказал свой парадный портрет в мальтийском одеянии, повесил на Адмиралтействе флаг Мальтийского ордена и охотно принимал на службу мальтийских кавалеров, прибывавших из-за границы. По мысли Павла, сотрудничество с орденом должно было способствовать выполнению нескольких задач: созданию союза православных и католиков для борьбы с Французской революцией, объединению европейского дворянства, а также созданию на Мальте базы русского флота, чтобы проникнуть таким образом в Средиземноморье. Разумеется, все это было утопией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/butkova_ol-ga/yuliya-samoylova-muza-karla-bryullova

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)